

— Попроси тётю приготовить что-нибудь для акушерки и приготовь кашу для своей жены. Бесплезно просто нервничать, приготовь деньги, и если что-то пойдёт не так, вызови врача, — Лю Яоцин увидел, что Чжун-гэ всё ещё хочет что-то сказать, и, немного подумав, понял, о чём тот думает. — Ломтики женьшеня не всем можно есть. Сейчас у неё ещё не потеряна кровь, если съест, кровотечение только усилится. Хочешь, чтобы она съела ломтики женьшеня? Тогда пусть будет на грани смерти, чтобы вернуть последние силы.

Ли-ши и младшая Ли-ши во дворе, вероятно, знали, что женьшень усиливает кровообращение, и его приём только ухудшит состояние. Возможно, Вэй-ши тоже это понимала, ведь она бывала в городке и видела больше. Сейчас она просто хотела, чтобы Лю Яоцин дал денег.

Свои проблемы, зачем заставляя других платить? Такую логику Лю Яоцин не собирался поддерживать.

Взяв Чжэцзы-гэ за руку, Лю Яоцин вошёл в главную комнату и сказал старику Лю:

— Дедушка, я сегодня пришёл посмотреть, действительно ли с женой Чжун-гэ что-то не так. Если что-то случится, я помогу, ведь это человеческая жизнь. Но если ничего серьёзного, а меня просят дать денег, то пусть не боятся, что деньги их задавят.

— Чжэцзы-гэ, подождём здесь, — Лю Яоцин сел и не двигался.

Снаружи Чжун-гэ разговаривал с младшей Ли-ши, но та стояла неподвижно, как гора.

В конце концов, Чжун-гэ вздохнул и сам пошёл на кухню разжигать огонь. Он не умел готовить ничего, кроме каши, и то из грубого риса. Белый рис был дома, но Ли-ши не хотела его доставать.

Принеся приготовленную кашу в комнату, Чжун-гэ вскоре вернулся с горстью белого риса и снова начал варить кашу.

Вэй-ши в комнате, услышав слова Лю Яоцина снаружи, почувствовала раздражение, но сейчас не могла ничего сделать.

К вечеру, когда уже начало темнеть, в комнате наконец раздалась звуки.

Через некоторое время Чжун-гэ сказал:

— Родился мальчик.

Старик Лю глубоко вздохнул и не сказал ничего. Снаружи Ли-ши пошла на кухню, как обычно, готовить ужин, а младшая Ли-ши, покрутив глазами, сразу вернулась в свою комнату, не пойдя проведать Вэй-ши.

Акушерка всё ещё не ушла, ожидая награды.

Вэй-ши, хоть и была слаба, но всё ещё держалась уверенно:

— Пойди к дедушке, попроси связку денег. Или попроси у своей матери. Я родила ребёнка, рискуя жизнью, и никто даже не пришёл проведать меня, а ещё и деньги не дают!

Через некоторое время Чжун-гэ вернулся с грустным лицом:

— Дедушка сказал, чтобы бабушка дала десять монет, сказал, что это на яйца для мальчика.

— Это что, подачка нищему? — разозлилась Вэй-ши, но не могла встать с кровати, поэтому пришлось использовать своё приданое. Акушерка за один визит должна получить несколько сотен монет, а если бы родился мальчик, то и больше.

Ли-ши и младшая Ли-ши ясно дали понять свою позицию. Младшая Ли-ши молчала, а Ли-ши дала десять монет, считая, что это уже забота о Вэй-ши, и в будущем не будет вмешиваться в её дела и дела мальчика.

Вэй-ши ничего не оставалось, кроме как попросить Чжун-гэ ухаживать за ней.

Выходя из деревни и поднимаясь на гору, Лю Яоцин сказал:

— Когда я родился, дедушка и бабушка не дали и десяти монет, просто не обращали внимания.

— В будущем так не будет, — вдруг сказал Чжэцзы-гэ.

Через некоторое время Лю Яоцин понял, что Чжэцзы-гэ говорил о том, что в будущем, когда он сам будет рожать, и покраснел, но с уверенностью ответил:

— Конечно, всё в доме будет под моим контролем, у тебя не будет таких мыслей.

— Не будет, — улыбнулся Чжэцзы-гэ и попросил Лю Яоцина отдохнуть, а сам пошёл на кухню, чтобы принести еду.

Сейчас Лю Цюаньцзинь, Ли-ши и Син-гэр ели вместе, а Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ ели отдельно. Обычно Чжэцзы-гэ сам приносил еду, и Ли-ши каждый раз накладывала Лю Яоцину то, что он любил, что очень радовало Чжэцзы-гэ.

Свинина с картофелем, где картофель был почти расплавлен, пахло восхитительно. Лю Яоцин любил есть кусочки картофеля, но не любил мясо; ещё было жареное яйцо с огурцом, Лю Яоцин любил огурец.

Всё, что он не любил, попадало в живот Чжэцзы-гэ.

— Цю! — Мао Бай ел мелко нарезанные кусочки мяса, он не жуёт, ест быстро, и сейчас, когда тарелка опустела, подбежал к Лю Яоцину, чтобы выпросить мясо из еды.

— Подожди, — Лю Яоцин выбрал кусочек постного мяса, промыл его в воде и дал Мао Баю.

Тот, съев мясо, довольный улёгся на кан, готовясь спать.

Сейчас нужно было ложиться спать пораньше, иначе потом не уснёшь.

Каждый вечер Лю Яоцин привык немного поговорить с Чжэцзы-гэ, хотя они всё ещё спали в одном одеяле, но казалось... кроме последнего шага, всё остальное уже было сделано.

Как это чувствовалось? Казалось, что они вместе, и им никогда не надоедает.

— Я заметил, что дикie ягоды начнут краснеть через несколько дней, — улыбнулся Чжэцзы-гэ, в темноте он не видел выражения лица Лю Яоцина, но всё же смотрел в его сторону.

Лю Яоцин перевернулся, лицом к Чжэцзы-гэ, и под одеялом начал считать на пальцах:

— Тогда завтра вынесем стол, начнём собирать дикie ягоды, сколько будет, столько соберём.

Все деньги, которые мы накопили за это время, вероятно, придётся вложить.

— Денег хватит? — спросил Чжэцзы-гэ.

— Должно хватить, — Лю Яоцин подумал о своих деньгах и улыбнулся. — Если что, используем деньги, которые император подарил, в любом случае хватит.

Они тихо разговаривали, это уже стало привычкой. Лю Яоцин подошёл ближе и в темноте поцеловал Чжэцзы-гэ в губы, затем приготовился спать.

Утром Чжэцзы-гэ проснулся первым, положил одежду Лю Яоцина под одеяло, чтобы согреть, а сам вышел, чтобы подготовить стол, деревянное ведро и учетную книгу на сегодня.

О сборе диких ягод уже было объявлено, и с утра многие следили за горой. Увидев, что Чжэцзы-гэ вынес стол и поставил табличку «Сбор диких ягод», они успокоились, зная, что сегодня точно будут собирать.

Только к полудню Лю Яоцин поел, сел за стол и увидел, что уже кто-то ждёт перед ним, держа в руках миску с сегодняшними красными ягодами. Лю Яоцин улыбнулся:

— Не торопитесь, я буду собирать ягоды каждый день, можете приходить в любой день.

— Не прийти — сердце не на месте, это же небесные ягоды, как можно оставлять их дома, — сказал Пятый дядя Лю, у которого в доме тоже были дикие ягоды. В последние дни вся семья ухаживала за ними, и сейчас красных ягод было около десятка, лежащих в миске, не хуже клубники.

— Ладно, сейчас у всех мало, я запишу количество, а когда ягод станет больше, будем взвешивать, — объяснил Лю Яоцин. — Деньги можно оставить у меня на счете, а можно забирать каждый день наличными. Но я должен напомнить, что все подписали договор, эти ягоды можно продавать только мне, никому другому.

Пятый дядя Лю знал, что это предупреждение для остальных, он строго сказал:

— Цин-гэр прав, если кто-то осмелится продать ягоды на сторону, я первый не пощажу его, и старейшины деревни тоже не простят!

Сказав всё напрямик, Лю Яоцин знал, что если кто-то так поступит, у него есть способы наказать нарушителя.

В первый день собрали в основном по десятку ягод, у некоторых было меньше десяти. Кроме нескольких бедных семей, которые сразу взяли деньги, большинство попросили Лю Яоцина записать суммы, чтобы забрать их позже.

Хотя по десятку ягод казалось немного, но в сумме набралось полведра.

Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ вместе тщательно помыли ягоды, занесли ведро в дом и начали процесс виноделия.

— Виноделие не так сложно, нужно раздавить ягоды и добавить сахар, — Лю Яоцин попросил Чжэцзы-гэ заняться этим, а сам присел рядом с подготовленным сахаром. — Но тот, кто не знает, не догадается.

— Из других фруктов тоже можно делать вино? — спросил Чжэцзы-гэ.

— Можно, но это сложнее, — Лю Яоцин вдруг вспомнил о жёлтом вине, которое продавал Хромой Лай. — И вино Хромого Лая можно дистиллировать, оно будет крепче. Но я считаю, что вина лучше пить поменьше, для здоровья достаточно, а много пить — только мучить себя.

Даже сейчас вино Хромого Лая было тёплым и мягким, но некоторые мужчины любили выпивать каждый день, пьяные шатались по деревне, и Лю Яоцин смотрел на это с неодобрением.

— Вино Цин-гэра всегда хорошее, — улыбнулся Чжэцзы-гэ.

Лю Яоцин очнулся, взял ягоду и положил в рот:

— Сейчас это вино делает Чжэцзы-гэ.

<http://bllate.org/book/16688/1532156>